

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-...-...

ВОСПРИЯТИЕ СЕМЕЙНОСТИ И БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ФАКТОРЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ*

В.А. Смирнов, докт. социол. наук, доц., проректор по стратегическим коммуникациям Костромского государственного университета, ул. Дзержинского, д. 17, г. Кострома, Российская Федерация, 156005**

В.В. Груздев, докт. юридич. наук, проректор по научной работе, Костромской государственной университет (ФГБОУ ВО КГУ), ул. Дзержинского, д. 17, г. Кострома, Российская Федерация, 156005***

В.Н. Ершов, канд. технич. наук, первый проректор, Костромской государственной университет (ФГБОУ ВО КГУ), ул. Дзержинского, д. 17, г. Кострома, Российская Федерация, 156005****

В статье рассматриваются особенности трансформации представлений и социальных установок жителей постсоветских стран, касающихся семейности и близких отношений. Статья базируется на анализе результатов третьей и шестой волн международного лонгитюдного исследования — World Values Survey. Авторы обосновывают вывод о широком распространении в постсоветских странах традиционных ценностных ориентаций, как адаптационной стратегии государства и общества в ответ на большие вызовы. В то же время, в статье делается вывод об амбивалентности и асимметричности трансформаций в сфере близких отношений. Выделяется четыре модели таких отношений в постсоветских странах. Особую роль в трансформации близких отношений играет, по мнению авторов, государственная политика. Она носит протаналистский характер, не учитывает особенностей разных форм и видов отношений и ориентирована, главным образом, на повышение деторождения. Это несомненно, снижает ее потенциал как механизма адаптации государства в ситуации демографического перехода.

Ключевые слова: семейность, близкие отношения, ценностные ориентации, дискурсивное сознание.

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ “Близкие отношения и семья в жизненном пространстве современности: вызовы, совладание, ресурсы, развитие” (FZEW-2020-0005).

** Смирнов Владимир Алексеевич, e-mail: kano_igt@mail.ru

*** Груздев Владислав Владимирович, e-mail: vgruzdev@ksu.edu.ru

**** Ершов Владимир Николаевич, e-mail: yvn@ksu.edu.ru

PERCEPTION OF FAMILY AND CLOSE RELATIONSHIPS IN THE POST-SOVIET SPACE: FACTORS AND DIRECTIONS OF TRANSFORMATION

Smirnov Vladimir A., Doct. Sociol. Sci., Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, st. Dzerzhinsky, 17, Kostroma, Russian Federation, 156005, e-mail: kano_igt@mail.ru

Gruzdev Vladislav V., Doctor of Law, Vice-Rector for Scientific Work, Kostroma State University, st. Dzerzhinsky, 17, Kostroma, Russian Federation, 156005, e-mail: vgruzdev@ksu.edu.ru

Yershov Vladimir N., Candidate of Technical Sciences, First Vice-Rector, Kostroma State University, st. Dzerzhinsky, 17, Kostroma, Russian Federation, 156005, e-mail: yvn@ksu.edu.ru

The article deals with the peculiarities of transformation of ideas and social attitudes of residents of post-Soviet countries concerning family life and close relationships. The article is based on the analysis of the results of the third and sixth waves of the international longitudinal study — World Values Survey. The authors substantiate the conclusion that traditional value orientations are widely spread in post-Soviet countries as an adaptation strategy of the state and society in response to big challenges. At the same time, the article concludes about ambivalence and asymmetry of transformations in the sphere of close relationships. There are four models of such relations in post-Soviet countries. According to the authors, state policy plays a special role in the transformation of close relations. It is pro-tanalinistic in nature, does not take into account the peculiarities of different forms and types of relationships and is mainly focused on increasing childbearing. This undoubtedly reduces its potential as a mechanism for adapting the state to the situation of demographic transition.

Key words: family, close relationships, value orientations, discursive consciousness.

Введение

Трансформация семьи и близких отношений идет с 1960-х гг. прошлого века, что связано с процессами глобализации. Основными проявлениями этой трансформации стали более поздние браки, увеличение числа разводов, расширение различных форм партнерств, снижение рождаемости и воспроизводство феномена добровольной бездетности. Большие вызовы и угрозы, с которыми столкнулись современные государства, в частности в области демографического перехода, привели к разработке различного рода мер и программ в области семейной политики.

Трансформационные процессы привели к возникновению целого спектра разнообразных форм близких отношений и партнерств. Их можно условно разместить в двумерном пространстве. Критериями такой типологии будут выступать нормативная закреплённость отношений (например, зарегистрированный брак

или же совместное проживание) и количество субъектов близких отношений (пары без детей, или же семьи, объединяющие несколько поколений). Несомненно, что оба эти континуума включают в себя целый спектр различных вариаций таких партнерств. Так, например, даже внешне традиционные пары, проживающие вместе, могут в действительности быть разведенными мужем и женой, совместно воспитывающими детей. Такой тип отношений часто маркируется как *fragile families*¹.

В последние годы появился еще один важный критерий для разделения субъектов близких отношений, связанных с полом участников. Узаконивание в ряде государств однополых браков привело к возникновению терминов, которые снимают оценочную нагрузку с таких партнерств.

Предметом настоящей статьи выступают особенности дискурсивного сознания жителей постсоветских государств, связанные с восприятием семейности и близких отношений. Именно они способствуют расширению или наоборот ограничению репертуара повседневных социальных экспериментов², воспроизводство которых приводит в конечном итоге к изменению близких отношений.

Информационная база исследования

В основу статьи положены результаты лонгитюдного мирового исследования “*World Values Survey*”³. На момент написания статьи разработчиками были выложены в открытый доступ первичные данные шести волн исследования, начиная с 1981 и заканчивая 2014 г. Общее количество стран принимавших участие в исследовании равняется 60. Отметим, что не все государства принимали участие в каждой волне исследования, что существенно затрудняет проведение сравнительного анализа.

Для решения задач, поставленных в статье, использовались результаты третьей (1995–1998 гг.) и шестой (2010–2014 гг.) волн исследования, что позволило проанализировать динамику социальных процессов за более чем десятилетний период. В информационную базу исследования вошли семь постсоветских государств (Армения, Азербайджан, Беларусь, Эстония, Грузия, Россия и Украина). Объем информационной базы составил 13974 и 10372 записей по каждой

¹ Bogenschneider K., Corbett T.J. Family policy: becoming a field of inquiry and subfield of social policy // Journal of Marriage and Family. 2010. N 72 (3). P. 120–130.

² Giddens A. The transformation of intimacy // Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. L., 1992.

³ World Values Survey–2020. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (accessed: 25.12.2020).

волне соответственно, общее число признаков 1446. Для целей настоящей статьи было отобрано 15 из них, позволивших исследовать трансформацию семейности и близких отношений.

Для обработки, анализа и визуализации данных использовался свободно распространяемый язык программирования R.

Анализ эмпирических данных

Для понимания динамики трансформации семейности и близких отношений используем три интегральных индикатора. Во-первых, жизнестойкость и гибкость близких отношений как социальной структуры. Данный индикатор операционализируется через анализ диспозиций относительно таких явлений как аборт, развод и гомосексуализм. Первые два явления — это индикаторы жизнестойкости. Действительно, неспособность пары сохранять отношения в сложной жизненной ситуации (развод) и прерывание естественного процесса межпоколенческого воспроизводства (аборт) свидетельствуют о ее “хрупкости”, невозможности противостоять не только “большим”, но и повседневным вызовам. Оценка гомосексуализма как социально одобряемого или же наоборот неприемлемого формата отношений позволяет сделать выводы о степени вариативности повседневных социальных экспериментов в процессе структуриации партнерств в той или иной стране. Во-вторых, особенности воспроизводства традиционных гендерных ролей. В данном случае для нас важно оценить, что происходит с их восприятием на уровне дискурсивного сознания, имеются ли попытки совладать с большими вызовами современности через их актуализацию или же наоборот отрицать как рудиментарные. В-третьих, ценностные ориентации, структурирующие близкие отношения. Они операционализируются через оценку тех качеств, которые, по мнению респондентов, необходимо прививать детям.

Начнем анализ с первой группы индикаторов. Участникам исследования был задан вопрос: “Насколько заслуживают оправдания предоставленные ниже явления?” и предложен спектр явлений, три из которых были отобраны нами для анализа. Респонденты могли оценить явления от 1 (“Никогда не могут быть оправданы”) до 10 (“Всегда могут быть оправданы”). Первичный анализ с использованием теста Mann–Whitney–Wilcoxon продемонстрировал статистически значимые различия между ответами, полученными от респондентов разных стран в каждую из волн. Другими словами, мы можем наблюдать не только различия между респондентами разных стран, отвечающих на данный вопрос, но

и различия между участниками разных волн исследования. Это позволяет констатировать, что восприятие данных явлений трансформируется как под влиянием времени, так и под влиянием различных социокультурных факторов, по-разному проявляющихся в отдельных государствах.

Для более наглядного представления результатов, мы перекодировали все три переменные в признаки с двумя градациями: “скорее не оправдано” (1–4) и “скорее оправдано” (5–10) и вычислили процент респондентов (от общего числа ответивших на вопрос в каждой стране), склонных оправдывать конкретное явление в зависимости от волны исследования (табл. 1).

Таблица 1

Динамика оправданий гомосексуализма, абортов и разводов, %

Страна/ год	Гомосексуализм		Аборты		Разводы	
	1995 1998	2010 2014	1995 1998	2010 2014	1995 1998	2010 2014
Азербайджан	11,4	1,8	53,1	25,5	54,6	30,6
Армения	19,2	2,3	58,6	26,5	64,1	35,0
Беларусь	29,1	20,4	62,5	45,0	70,9	68,3
Грузия	10,4	2,4	49,0	11,6	56,3	41,1
Россия	23,2	29,6	66,7	56,1	72,9	76,9
Украина	27,5	20,4	60,2	41,0	71,5	66,1
Эстония	28,8	38,6	67,9	64,4	80,0	81,4

Страны, попавшие в выборку, с точки зрения динамики исследуемого индикатора можно разделить на три группы. В первой (Азербайджан, Армения, Грузия) наблюдается значительное снижение положительных оценок указанных явлений. Во второй (Украина, Беларусь) положительные оценки снижаются, но не такими темпами, а по некоторым показателям находятся примерно на одном и том же уровне. Третья группа (Россия и Эстония) демонстрируют, пусть и незначительное, но увеличение положительных оценок гомосексуализма и разводов.

Проанализируем насколько схожи данные оценки между мужчинами и женщинами. Так, число респондентов разного пола, положительно воспринимающих развод примерно одинаково во всех странах, в каждую из волн (нет статистически значимых различий). Аборты по-разному оцениваются мужчинами и женщинами, при этом женщины оправдывают это явление чаще, чем мужчины, независимо от волны исследования и страны, в которой проживают

респонденты. Вероятно, это связано с тем, что женщина, в ситуации разрыва отношений, не готова к воспитанию ребенка одна. Сходную ситуацию, мы наблюдаем и при оценке гомосексуализма. В тех странах, где имеются гендерные различия, женщины демонстрируют большую толерантность и готовность оправдать данное явление. Представляет интерес и еще одно наблюдение. В странах первой группы мы можем наблюдать рост неодобрения указанных явлений среди “семейных” респондентов. Среди тех, кто живет один или в незарегистрированном браке, такая позиция менее выражена. Например, количество “семейных” респондентов, одобряющих аборт в 1990-е гг. в Армении, составляло 58%, в 2000-е оно сократилось до 27%; количество азербайджанцев, живущих в зарегистрированном браке и одобряющих развод, составляет 51,5 и 30,7% соответственно.

Проанализируем, каким образом респонденты исследуемых стран воспринимают границы гендера в разные годы исследования. Рассмотрим три ситуации (вопросы анкеты), характеризующие трансформацию гендерных ролей (табл. 2):

- Когда рабочих мест не хватает, мужчина должен иметь больше прав на работу, чем женщина (“Работа”);
- В целом из мужчин получаются более эффективные политические лидеры, чем из женщин (“Политика”);
- Если женщина зарабатывает больше, чем ее муж, это наверняка вызовет проблемы в семье (“Финансы”).

Таблица 2

Особенности трансформации гендерных ролей, %

Страна/ год	Работа		Политика		Финансы	
	1995 1998	2010 2014	1995 1998	2010 2014	1995 1998	2010 2014
Азербайджан	63,6	76,5	71,5	67,8	57,8	37,8
Армения	59,9	54,3	83,2	63,00	57,9	36,8
Беларусь	44,6	28,8	70,0	65,7	41,3	23,7
Грузия	64,5	46,1	79,8	58,8	50,1	26,2
Россия	49,0	29,1	60,0	60,5	41,7	23,9
Украина	37,6	30,0	63,4	50,4	38,3	20,4
Эстония	33,0	18,3	69,2	51,1	51,2	25,4

В таблице представлены проценты ответов “Согласен” на три указанных вопроса. Анализируемые вопросы не просто репрезентируют разные сферы взаимодействия мужчин и женщин. Они так же отражают уровни пластичности гендерных границ в массовом созна-

нии. Действительно, признать право женщины быть эффективным политическим лидером значительно сложнее, чем согласиться с ее правом претендовать на рабочее место или быть финансово успешной. Мы можем наблюдать постепенное размывание традиционных гендерных ролей во всех исследуемых странах (лишь Азербайджан демонстрирует незначительный рост по первому столбцу).

Мужчины значительно чаще демонстрируют консервативную позицию и традиционное восприятие гендерных ролей, нежели женщины. Так по результатам шестой волны исследования по всем странам количество женщин, несогласных с тем, что мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, практически в два раза превышает число мужских ответов (в Армении, например, количество несогласных женщин в 3,5 раза больше, чем мужчин). Таким образом, мы можем констатировать, что трансформация гендерных ролей, во многом происходит именно за счет женщин, расширения репертуара их социальных практик и выхода за рамки традиционных социальных структур. Отметим также, что количество “несогласных” значительно выше среди респондентов, не состоящих в зарегистрированном браке.

Обратимся к анализу тех качеств, который, по мнению респондентов, необходимо развивать у своих детей. В исследовании участникам было предложено выбрать из 10 характеристик те, которые им хотелось бы видеть в своих детях. Для выявления латентной структуры этих характеристик мы использовали факторный анализ. При изучении результатов на выборке шестой волны нами были получены три фактора⁴, объясняющие 72% дисперсии и позволяющие осуществить содержательную интерпретацию полученных компонент. В *первый фактор* вошли следующие качества: воображение, решительность и настойчивость, независимость; *во второй*: трудолюбие, ответственность, терпимость и уважение к другим людям, бережливость; *в третий*: религиозность, бескорыстие, послушание. Проведенный анализ позволяет сформулировать три стратегии воспитания детей, которые, на наш взгляд, демонстрируют разные направления трансформации близких отношений.

Первая стратегия (фактор) — это либеральная, индивидуалистическая модель воспитания и, соответственно, близких отношений. Такие качества, как независимость и решительность, репрезентируют современный тип человека и общества, и идеологически близки к современной рыночной экономике. Это характеристики современного человека, живущего в обществе потребления.

⁴ Анализ проводился методом главных компонент, метод вращения варимакс.

Вторая стратегия (фактор) — традиционная, коллективистская модель воспитания, основанная на приоритете традиционных или советских ценностей. Основу ее составляют трудолюбие, бережливость, приоритет интересов сообщества над личными.

Наконец, третья стратегия (фактор) — это религиозное воспитание, основанное на традиционных нормативных постулатах любой мировой конфессии.

Проанализируем, в каких из рассматриваемых стран доминирует та или иная стратегия (см. рис.).

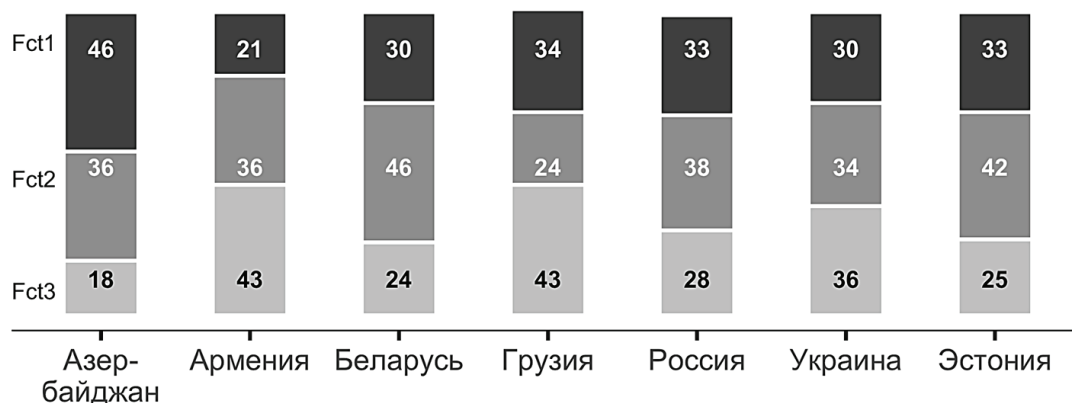

Рис. Стратегии воспитания детей в исследуемых странах, %

На рисунке представлено распределение встречаемости каждого из трех факторов в исследуемых странах. Слева указаны номера факторов, в столбцах проценты встречаемости каждого из них в конкретной стране.

Ни в одной из стран мы не наблюдаем доминирующей стратегии воспитания детей (более 50%). Тем не менее, отметим, что в Азербайджане сильнее выражена первая, в Белоруссии, Эстонии, России — вторая. В Армении, Грузии, Украине сильнее, чем в других странах, проявлена третья стратегия. В целом мы можем говорить о достаточно высоком уровне амбивалентности жителей бывших советских республик при выборе тех качеств, которые необходимо формировать у будущих поколений. Это свидетельствует о том, что в условиях современных больших вызовов и угроз ни одна из стран не имеет единого образа своего будущего. Это проявляется на всех уровнях, в том числе и в процессе структуризации семейных и близких отношений. В тоже время отметим, что почти во всех странах количество респондентов, выбирающих первую стратегию, примерно одинаково. Это позволяет констатировать широкое распространение западных ценностей на постсоветском пространстве, что, несомненно, разрушает институт традиционных близких отношений, даже

в достаточно консервативных сообществах⁵. Значительное число респондентов сохраняют советские ценности (второй фактор), что, несомненно, можно рассматривать как адаптационную стратегию в ситуации глобализации и “текучей” современности.

Обсуждение эмпирических результатов

Анализ, представленный в настоящей статье, демонстрирует тот факт, что на дискурсивном уровне значительная часть жителей постсоветских государств начинает возвращаться к традиционным, консервативным ценностям. Целый ряд исследователей подтверждает этот вывод. Некоторые из них говорят о “консервативной мобилизации”⁶, другие о “гендерном откате”⁷, подразумевая возвращение к жестким гендерным структурам в близких отношениях. Несомненно, такая ситуация тесно образом связана с государственной политикой в области семьи, активной интеграцией государства и официальных церковных организаций, действующих в той или иной стране. Возврат к консервативным ценностям в близких отношениях после “ценностного плюрализма” 1990-х гг. прошлого века является не только результатом государственной политики, но также связан с историческими и социокультурными особенностями постсоветских стран. Опыт жизни при коммунистических режимах в Восточной Европе, сформировал в обществе такие ценности как консерватизм и иерархичность⁸. Несомненно, именно они проявляются в диспозициях жителей постсоветских государств, проанализированных в настоящей статье.

Таким образом, мы можем констатировать тот факт, что в последние десятилетия в отдельных сегментах постсоветских обществ обозначился возврат к традиционным консервативным моделям семейности и близких отношений, по крайней мере, на дискурсивном уровне.

В тоже время, не вызывает сомнения тот факт, что этот возврат имеет разную интенсивность в разных странах. В нашем исследова-

⁵ Стародубровская И. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 39–56.

⁶ Sherstneva N. Why are children’s rights so dangerous: interpreting juvenile justice in the light of conservative mobilization in contemporary Russia // Women’s History in Russia: (Re) Visiting the field / Ed. by M. Muravyeva, N. Novikova. Cambridge, 2014.

⁷ Temkina A., Zdravomyslova E. Gender’s crooked path: feminism confronts Russian patriarchy // Current Sociology. 2014. Vol. 62 (2). P. 253–270.

⁸ Schwartz S. Towards refining theory of basic human values // Methods, Theories, and Empirical Applications in the Social Sciences / Ed. by S. Salzborn, E. Davidov, J. Reinecke. Heidelberg, 2012.

нии он наиболее выражен в тех обществах, где традиционные нормы и отношения, патриархальный уклад были достаточно сильны еще в период Российской империи и не претерпели значительных изменений в советское время. Это подтверждается и другими исследованиями. В частности, анализ близких отношений на Кавказе демонстрирует тот факт, что они и сегодня базируются на многовековых традициях, гендерном доминировании мужчины и ведущей роли старшего поколения⁹. Вероятно, значительную роль в процессе “ценностного возврата” играет степень религиозности жителей того или иного государства. Действительно, мы можем видеть, что респонденты, считающие себя религиозными и при этом, хотя бы раз в неделю участвующие в религиозных обрядах, почти в три раза чаще демонстрируют склонность к воспроизводству традиционного и консервативного дискурса. Мы также наблюдаем, что религиозная стратегия воспитания детей доминирует в тех странах, где респонденты чаще указывают на важность консервативных типов близких отношений. Сходные результаты получены, например, польскими исследователями, анализирующими влияние католицизма на сохранение традиционных форм семьи в современной Польше¹⁰.

В то же время нельзя не обратить внимания на тот факт, что в целом ряде постсоветских стран мы наблюдаем амбивалентность в оценках моделей семейных и близких отношений. Это проявляется, главным образом, при анализе таких явлений как гомосексуализм и шире — трансгендеринг. Несомненно, важнейшим фактором, оказывающим влияние на эскалацию данных явлений в постсоветских странах, становится широкое распространение подобных дискурсивных практик в Европе и Америке. Так в частности, однополые браки в Европе становятся практически нормой, достаточно упомянуть тот факт, что даже католическая церковь в лице Папы Римского Франциска высказывается за их гражданскую легализацию¹¹, при этом юридическое оформление однополый союз получил в целом ряде стран (на начало 2020 г. таких государств было 27). Во многих западных странах уже больше половины рядовых граждан не видят ничего противозаконного в гомосексуальных браках¹².

⁹ *Molodikova I., Watt A.* Growing up in the North Caucasus. Society, family, religion and education. L., 2014.

¹⁰ *Mitrega A.* Современная польская семья: вызовы и риски постмодерна // *The Journal of Social Policy Studies.* 2010. N 8 (3). P. 373–392.

¹¹ Папа Римский поддержал однополые гражданские союзы. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f9075249a79475b7e1d19ee> (дата обращения: 08.12.2020).

¹² *Щелкин А.Г.* Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // *Социологические исследования.* 2019. № 11. С. 152–164.

Эксперименты с форматами семейности и близких отношений не ограничиваются только однополыми браками. Еще одним трендом современности являются семейные союзы трансгендеров — людей, чья гендерная идентичность в определенный момент жизни перестает совпадать с их биологическим полом. Количество таких людей в мире растет, так, например, опрос в 2017 г. в США продемонстрировал тот факт, что порядка 2% старшеклассников идентифицируют себя как трансгендеры¹³.

В контексте настоящей статьи важно подчеркнуть одно обстоятельство, которое, на наш взгляд, исчезает из фокуса внимания как исследователей, так и общественных деятелей, и социальных активистов. И гомосексуалисты, и трансгендеры в конечном итоге ориентированы на создание и воспроизводство традиционной нуклеарной семьи. Так, например, исследование российских трансгендеров в возрасте от 15 до 25 лет свидетельствует о том, что 45% из них планирует создание семьи (пусть и трансгендерной, но состоящей из двух родителей и детей) в будущем и активно выступают за легализацию однополых браков¹⁴. В целом представляется, что несмотря на проникновение подобных практик на постсоветское пространство, основная масса жителей этих государств по-прежнему ориентирована на воспроизводство традиционных моделей семейности и близких отношений.

“Ценностный возврат” последних десятилетий в сфере близких отношений — это следствие государственной политики. Практически во всех исследованных странах приняты различного рода нормативные и программные документы, направленные на развитие семьи и традиционных семейных ценностей. При этом стоит согласиться с целым рядом исследователей, которые говорят о том, что государственная семейная политика на постсоветском пространстве носит пронаталистский характер¹⁵. Основу ее составляет модель “кокона безопасности”¹⁶, а главной задачей является повышение рождаемости. При этом, такая модель близких отношений начала формиро-

¹³ *Johns M.M.* Transgender identity and experiences of violence victimization, substance use, suicide risk, and sexual risk behaviors among high school students — 19 states and large urban school districts, 2017 // *Morbidity and Mortality Weekly Report*. 2019. N 68. P. 67–71.

¹⁴ *Ушкова И.В., Куреев Е.Ю.* Трансгендерность в современном российском обществе // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 2. С. 82–96.

¹⁵ *Стрельник Е.А.* Государственный неотрадиционализм и семейная политика в Украине // *Социологические исследования*. 2014. № 9. С. 97–102.

¹⁶ *Giddens A.* The transformation of intimacy // *Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. L., 1992.

ваться еще во второй половине XVIII в. и глубоко инкорпорирована в советское и постсоветское семейное право¹⁷. Проведенный анализ демонстрирует тот факт, что сегодня необходим поиск новых методологических и методических принципов построения государственной семейной политики, учитывающей с одной стороны консервативные устремления значительной части граждан, с другой — широкое проникновение в массовое общественное сознание новых форматов близких отношений.

Важным результатом исследования стало понимание того, что трансформация близких отношений на ценностном и дискурсивном уровнях носит асинхронный характер. Мужчины и женщины по-разному оценивают важность тех или иных типов социального поведения, границы гендерных ролей в современном мире. Это, несомненно, связано с тем, что под влиянием целого ряда больших вызовов и угроз поменялись повседневные жизненные практики пар. Подобная асинхронность становится серьезной проблемой, поскольку отсутствие единого образа близких отношений у мужчин и женщин ведет к большему числу разводов и разрывов отношений. Этот фактор никак не учитывается при разработке и реализации государственной семейной политики.

Одним из факторов асинхронности восприятия близких отношений мужчинами и женщинами становится виртуализация повседневности, которая ведет к появлению различного рода локальностей, где происходит латентное размывание традиционных гендерных ролей. Подобный процесс практически не рефлексивируется его участниками, но, тем не менее, на уровне повседневных практик формирует новые социальные структуры. Наиболее ярким примером являются финансовые отношения внутри семьи, существенно трансформировавшиеся ввиду возникновения новых форм денежных средств. Так, безналичные деньги, являясь “невидимыми”, способствуют с одной стороны, развитию индивидуализма в управлении финансами, а с другой — снижают уровень контроля за их расходованием, что приводит к росту потребления, основанного не на удовлетворении потребностей, а, скорее, связанного с различного рода социальными и культурными условиями¹⁸. Увеличение их объема, появление криптовалют приводит к изменениям властных отношений внутри семьи, что также ведет к латентному “размыванию” традиционных

¹⁷ *Muravyeva M.* “A king in his own household”: domestic discipline and family violence in early modern Europe reconsidered // *The History of the Family*. 2013. N 18 (3). P. 227–237.

¹⁸ *Загоруйко Т.А.* Безналичные средства в семейном бюджете: меняются ли практики управления финансами? // *Экономическая социология*. 2017. Т. 18. № 5. С. 111–139.

гендерных ролей. Следуя модели трехуровневого измерения власти¹⁹, которая активно применяется к домохозяйствам, можно констатировать, что расширение безналичной экономики приводит к перераспределению власти, возникновению ее асимметрии. В то время, как на уровне повседневных семейных ритуалов могут сохраняться традиционные гендерные отношения, при принятии действительно важных решений “главный голос” остается за участником отношений, обладающим большим властным ресурсом.

Сегодня мы можем говорить о том, что под влиянием больших вызовов и угроз формируется четыре типа семейности и близких отношений.

Во-первых, это модель консервативных отношений, которую часто называют *familialism*²⁰. Это устойчивые отношения между мужчиной и женщиной, чаще всего имеющие официальный юридический статус, с достаточно четким и традиционным разделением гендерных ролей. Данная модель — это синтез традиционных патриархальных и советских ценностей. Это отношения, где мужчина и женщина чаще всего работают, при этом на уровне дискурса первый воспринимается как “добытчик”, вторая как “хранительница очага”.

Во-вторых, религиозный тип отношений. Он во многом схож с предыдущим типом, но к традиционным ценностям добавляется религиозный контекст, который выступает в качестве обоснования традиционности и консервативности. Основное отличие данной модели — это преувеличенный ритуализм, склонность пары к большей рефлексии ценностных оснований своих отношений.

В-третьих, постмодернистские отношения. В данном случае речь идет об отрицании консервативных ценностей, и широком диапазоне форм партнерств. Это могут быть монородительские семьи, однополые союзы, отношения, построенные по принципу “бездетности” или “раздельного проживания” и др.²¹ Постмодернистские отношения — это также различного рода социальные эксперименты, связанные, например, с актуализацией и воспроизводством небинарной гендерной идентичности и т.д.

Наконец, *четвертый* тип — это отношения с неустойчивой системой предписаний. Такой тип отношений можно назвать “текучим”. Для него характерна скоротечность, быстрота созда-

¹⁹ Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. М., 2010.

²⁰ Revillard A. Work // Family Policy in France: From State Familialism to State Feminism? Gender Mainstreaming and Family Policy in Europe: Perspectives, Researches and Debates / Ed. by I. Crespi. Macerata, 2007.

²¹ Murega A. Современная польская семья: вызовы и риски постмодерна // The Journal of Social Policy Studies. 2010. N 8(3). P. 373–392.

ния и распада отношений, отсутствие четких норм и правил их структуризации.

Заметим, что первые три типа отношений достаточно очевидно коррелируют с тремя стратегиями воспитания детей, выявленными в ходе эмпирического анализа. Четвертый носит латентный характер и может быть проявлен только через некоторые отдельные симптомы.

Заключение

Процесс трансформации семьи и близких отношений на постсоветском пространстве определяется историческим развитием исследуемых стран. Традиционное доминирование патриархальной культуры, консервативных и иерархических ценностей привело в последние десятилетия к выраженному “традиционному возврату” в близких отношениях. Это во многом связано с активизацией национальных государств в сфере семейной политики. Такой “возврат” в среднесрочной перспективе, несомненно, выполняет роль механизма, сдерживающего негативные последствия глобализации и больших вызовов. В тоже время все исследованные страны демонстрируют высокий уровень амбивалентности и асимметричности при определении ценностной модели близких отношений. Респонденты разного пола и социального статуса по-разному воспринимают идеальный образ близких отношений, имеют различные диспозиции относительно гендерных ролей, что ведет к латентным конфликтам и противоречиям. Этот процесс усиливается выраженной пронаталистской государственной семейной политикой, ориентированной, главным образом, на повышения рождаемости.

Проведенный анализ позволил выявить четыре типа близких отношений, присутствующих в социокультурном пространстве бывших советских республик, а также дефициты государственной и общественной политики в отношении их социальной интеграции. Сегодня необходим новый формат семейной политики на постсоветском пространстве, учитывающий разнообразие форм близких отношений, а также особенности их трансформации под влиянием больших вызовов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Загоруйко Т.А. Безналичные средства в семейном бюджете: меняются ли практики управления финансами? // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 5. С. 111–139.

Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. М., 2010.

Митрега А. Современная польская семья: вызовы и риски постмодерна // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 8 (3). С. 373–392.

Стародубровская И. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальная последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 39–56.

Стрельник Е.А. Государственный неотрадиционализм и семейная политика в Украине // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 97–102.

Ушкова И.В., Куреев Е.Ю. Трансгендерность в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 82–96.

Щелкин А.Г. Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 152–164.

REFERENCES

Bogensneider K., Corbett T.J. Family policy: becoming a field of inquiry and subfield of social policy // Journal of Marriage and Family. 2010. N 72 (3). P. 120–130.

Giddens A. The transformation of intimacy // Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. L., 1992.

Johns M.M. Transgender identity and experiences of violence victimization, substance use, suicide risk, and sexual risk behaviors among high school students — 19 states and large urban school districts, 2017 // Morbidity and Mortality Weekly Report. 2019. N 68. P. 67–71.

Lyuks S. Vlast': radikal'nyj vzglyad [Power: a radical view] M., 2010 (in Russian).

Mitrega A. Sovremennaya pol'skaya sem'ya: vyzovy i riski postmoderna [The modern Polish family: challenges and risks of postmodernism] // Zhurnal issledovaniy social'noj politiki. 2010. N 8(3). P. 373–392 (in Russian).

Molodikova I., Watt A. Growing up in the North Caucasus. Society, family, religion and education. L., 2014.

Muravyeva M. "A king in his own household": domestic discipline and family violence in early modern: Europe reconsidered // The History of the Family. 2013. N 18 (3). P. 227–237.

Revillard A. Work // Family Policy in France: From State Familialism to State Feminism? Gender Mainstreaming and Family Policy in Europe: Perspectives, Researches and Debates / Ed. by I. Crespi. Macerata, 2007.

Schwartz S. Towards refining theory of basic human values // Methods, Theories, and Empirical Applications in the Social Sciences / Ed. by S. Salzborn, E. Davidov, J. Reinecke. Heidelberg, 2012.

Shchelkin A.G. Legalizaciya odnopolyh brakov: k voprosu o social'no-civilizacionnyh posledstviyah [Legalization of same-sex marriage: on the issue of social and civilizational consequences] // Sociologicheskie issledovaniya. 2019. N 11. S. 152–164 (in Russian).

Sherstneva N. Why are children's rights so dangerous: interpreting juvenile justice in the light of conservative mobilization in contemporary Russia // Women's History in Russia: (Re) Visiting the field / Eds. By M. Muravyeva, N. Novikova. Cambridge, 2014.

Starodubrovskaya I. Krizis tradicionnoj severokavkazskoj sem'i v postsovetskij period i ego social'naya posledstviya [The crisis of the traditional North Caucasian family in the post-Soviet period and its social consequences] // Zhurnal issledovaniy social'noj politiki. 2019. T. 17. N 1. S. 39–56 (in Russian).

Strelnik E.A. Gosudarstvennyj neotradicionalizm i semejnaya politika v Ukraine [State neotraditionalism and family policy in Ukraine] // Sociologicheskie issledovaniya. 2014. N 9. S. 97–102 (in Russian).

Temkina A., Zdravomyslova E. Gender's crooked path: feminism confronts Russian patriarchy // Current Sociology. 2014. N 62 (2). P. 253–270.

Ushkova I.V., Kireev E.Yu. Transgendernost' v sovremennom rossijskom obshchestve [Transgender in modern Russian society] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2017. N 2. S. 82–96 (in Russian).

Zagorujko T.A. Beznalichnye sredstva v semejnom byudzhete: menyayutsya li praktiki upravleniya finansami? [Non-cash funds in the family budget: are financial management practices changing?] // Ekonomicheskaya sociologiya. 2017. T. 18. N 5. P. 111–139 (in Russian).